

Лекало жизни Станкевича

Знаменитый умелец за 40 лет смастерил почти тысячу бочек, не считая прочей «мелочевки»

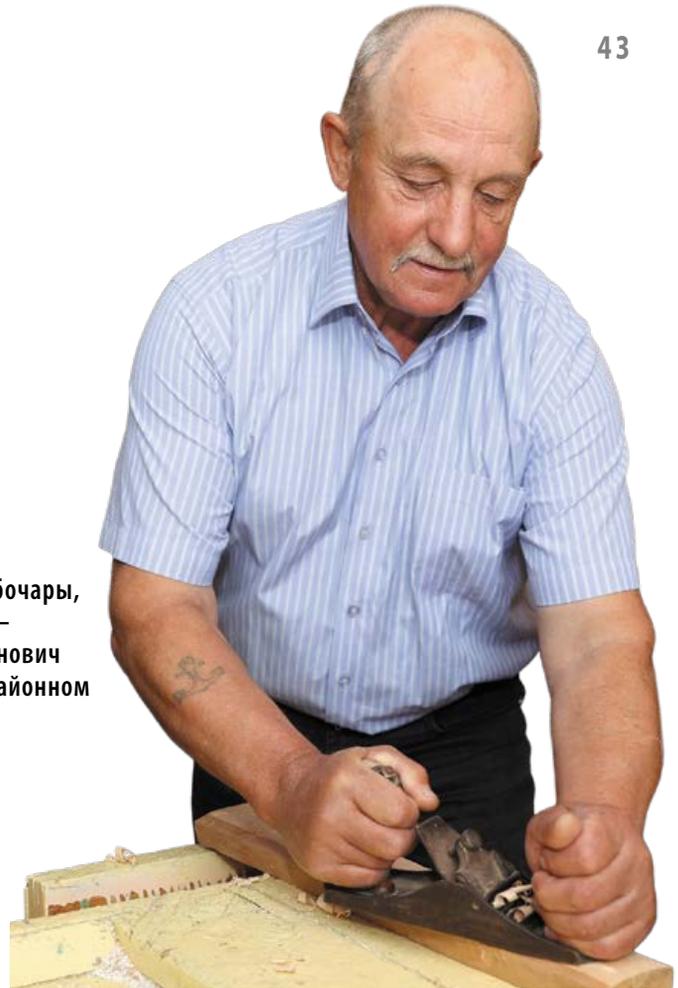
Счастье, что в Беларуси есть бондари, или, как их называют, бочары, бережно хранящие традиции древнего ремесла. Один из них – народный мастер Владимир Станкевич. Живет Владимир Иванович в городском поселке Глуск, небольшом, опрятном и уютном районном центре на Могилевщине.

Спокойная и теплая энергетика горпоселка очаровывает с первой минуты. Тишина и умиротворенность! Вроде бы и небольшой городишко, ничем особо внешне не выдающийся, а фонтан в центральном сквере такой, что и столица позавидует: чаша широкая, а тугие струи воды бьют вверх на метров пять. Рядом в тени деревьев бюст дважды Героя Советского Союза танкиста Степана Шутова, знаменитого уроженца Глусского района. Через дорогу – Дом народных ремесел. Возле него мы договорились встретиться с Владимиром Станкевичем. А вот и он! Владимиру Ивановичу шестьдесят четыре, но он на эти годы не выглядит: крепкий мужчина, с большими натруженными руками и загорелым лицом, на котором контрастно выделяются колоритные усы. Так и хочется воскликнуть: типичный белорус!

Мастер пришел не один, а с мальчишкой лет десяти – внуком Ярославом. Улыбнувшись, то ли в шутку, то ли всерьез заметил: мол, готовлю себе смену.

В Доме народных ремесел Станкевич учит школьников работать с деревом, передает молодому поколению свою любовь к древнему ремеслу, прививает тягу к труду.

По пути в мастерскую, который пролегает через полутемный актовый зал, любимая интерьером. Повсюду многочисленные поделки юных умельцев. Тут телеги, груженные мешками, на которых восседают люди-куклы в национальных костюмах, плетеные корзины, немало затейливых игрушек из дерева и ниток и много еще чего любопытного, с придумкой.

Владимир Станкевич

Мастерская – это большое помещение сразу за актовым залом, похоже, бывшая репетиционная. В углу притаились несколько верстаков со сложенными на них деревянными заготовками и деталями. Напротив симпатичные шкафы и столики оригинальной конструкции. Красиво, ничего не скажешь! Станкевич однако как бы отмахивается от моего вопроса насчет авторства: «Мое, но из ломачины, из мусора фактически сделали».

«Самое главное – найти подходящий материал, а это задача не из легких».

Как потом выяснится, Владимир Иванович так спокоино, утилитарно и даже несколько безразлично относится ко всем своим творениям из дерева – ложкам, ковшам, плетеным из соснового лыка корзинкам, комбайнам для сбора черники. Кроме бочек и кадок: трепетное отношение к ним он и сам вряд ли объяснит. Это у Станкевича глубоко в душе, можно сказать, на генетическом уровне.

Мастер берет с верстака высушенный заранее деревянный брусок, похожий на большое полено. Из таких заготовок делают клепки – дощечки, из которых собирают бочку. Обработать дерево и выточить клепку – целое искусство, требующее силы воли и терпения.

– Самое главное – найти подходящий материал, а это задача не из легких, – рассказывает Владимир Иванович. – Покупать дорого. Это во-первых. Во-вторых, не каждое дерево годится, а только с прямым стволом. Вроде нашел в лесу нужное, выписал в лесничестве и привез, стал пилить, а древесина пропеллером и с вросшими сучками, не подходит. Словом, нюансов уйма.

Изготовление клепок занимает немало времени. Попилив и поколов дерево на 80-сантиметровые чурки, нужно обязательно снять с них кору, иначе через месяц-другой короед прошьет ценный материал почти невидимыми ходами и при строгании проявятся микроскопические точки. А это уже брак. Затем заготовки сушат. Процесс этот длится не месяц и не два, а несколько лет! Да, непростое и небыстрое это дело – бочку изготовить.

– Я же не на год ее делаю, а чтобы лет пятьдесят прослужила, – улыбается мастер.

Правильная клепка, по словам Станкевича, получается из той заготовки, на распиле которой хорошо видны только радиальные, идущие от сердцевины к коре слои. В противном случае деталь не годится: намокая и высыхая, пойдет трещинами или выкрутит ее в обратную сторону – бочка начнет протекать, а то и развалится. Полвека точно не прослужит.

Станкевич проводит для нас небольшой мастер-класс. В ход идут топор, скобель, рубанок. Следить за ловкими, уверенными, отточенными движениями рук знаменитого бондаря – одно удовольствие, невольно залюбуешься.

За считанные минуты обработанная заготовка крепится на старом, «дедовском» верстаке, с виду неустойчивом и расшатанном, но, как уверяет мастер, очень удобном для работы. К тому же его можно быстро разобрать, загрузить в машину, а потом собрать в другом месте. Например, на ярмарке.

«Я же не на год бочку делаю, а чтобы лет пятьдесят прослужила».

Владимир Иванович аккуратно и ловко снимает фуганком деревянной плашки тонюсенькую, почти прозрачную стружку, толщиной всего 0,2 миллиметра, как сам утверждает. Доскональная точность и тщательность необходимы для того, чтобы между клепками не было даже малейшего просвета, иначе «бочка держать не будет».

Самые распространенные бочки, которые делает Станкевич, на 25–30 литров. Для одного изделия потребуется четырнадцать клепок шириной 6,7 см каждая и получится необходимая окружность – 94,2 см.

Пока мастер объясняет эти тонкости, приходит понимание, что без циркуля и знания геометрии в бондарном деле не обойтись. И это действительно так.

– Меня один дед учил: «Найди ровный железный круг и собирай бочки», – рассказывает Владимир Иванович. –

Владимир Станкевич за 40 лет смастерил почти тысячу бочек

Следить за ловкими и отточенными движениями рук мастера – одно удовольствие

Мне тогда попался старый диск сцепления от какого-то трактора, с ним и работал. Сейчас без циркуля никуда – он нужен и для того, чтобы вставить дно в бочку, и для того, чтобы изготовить лекало.

Лекало напоминает небольшой деревянный серп с нанесенными на него цифрами и формулами. С его помощью мастер компоует стыки и углы, чтобы клепки прилегали плотно одна к одной по заданной окружности. У Станкевича полсотни лекал: для каждой бочки определенного объема и формы. Иногда, чтобы выполнить не совсем стандартный заказ, приходится делать новое, а это тоже процесс, требующий времени, терпения и внимательности.

Бочка бочке рознь. И не только по объему и форме. Мед хорошо хранить в липовой или кленовой бочке, с другой древесиной он вступает в реакцию, теряя свои полезные свойства. Капусту лучше всего квасить в емкостях из осины. А вот дуб универсален, бочки из него годятся практически для всего, что требуется в хозяйстве. Но сначала необходимо убрать вредные дубильные вещества. Для этого древесину вымачивают в воде, пока жидкость не станет прозрачной.

– Сначала вода может быть темной как кофе или чай, – говорит Владимир Иванович. – Все зависит от того, где росло дерево. Меняю воду ежедневно, а в конце обрабатываю древесину содовым раствором.

Бочки из вымоченного дуба идеально подходят для засолки грибов и огурцов. Дубовые клепки, чередуя их с липовыми или кленовыми, Станкевич ставит в квашни – емкости для заквашивания теста. Говорят, тогда быстрее подходит.

– Хотя сейчас этому уделяют не такое внимание, как раньше, – грустно констатирует мастер. – Посуда из дерева имеет больше декоративное значение, стоит где-то в углу и радуется глаз. Хорошо, если хотя бы раз в год в ней что-то приготовят.

Правда, без вымачивания дуб в бондарном деле тоже сгодится, но только для изготовления бочек для выдержки и хранения коньяка. Напиток в такой таре обогащается дубильными и ароматическими веществами, приобретая благородный и изысканный вкус.

У каждого вида древесины к тому же свой характер. Дуб и ясень обрабатывать тяжелее, осину легче, но из-за неправильного наклона инструмента или плохой его заточки осиновая клепка рискует «заволоситься». С сырым кленом работать одно удовольствие, однако, высыхая, он затвердевает и становится как кость.

– Недавно вырезал и вставлял в бочку дно из клена, – в подтверждение своего рассказа приводит пример Станкевич. – Намучился, теперь суставы болят...

«Раньше требования к бочкам были проще. Главное, чтобы воду не пропускали».

Владимир Иванович, видимо, вспомнив, как далось ему это «дно из клена», невольно потирает запястье, и в этот момент мы замечаем на его руке старую татуировку в виде якоря.

– Моя первая специальность – судовождение на внутренних водных путях, получил ее когда-то в Гомельском техникуме водного транспорта, – улыбается Владимир Иванович. – Семь навигаций провел на речном флоте: ходил по Припяти, Березине, Днепру, работал в портах.

Вскоре после свадьбы супруга поставила ультиматум: или флот, или она. Выбрал семью. И всерьез увлекся бондарным ремеслом, которым заинтересовался еще в детстве. Жили в деревне. Владимиру был всего год, когда ушел из жизни отец. Мать много работала, чтобы поставить на ноги двоих детей. Детсада не было, и деревенская малышня развлекалась как могла, в основном

проводя время около кузницы и «стальмашни» – мастерской, где мужики изготавливали дуги и колеса для телег, полозья для саней.

– Посмотрю-посмотрю, как взрослые работают, дома начинаю повторять, – вспоминает Владимир Иванович. – Так потихоньку учился «обращаться» и с деревом, и с железом. Позже, работая на флоте, после окончания навигации, мастерил. Помню, мать попросила отремонтировать старую огромную бочку: от времени выпало дно. А я уже лет десять тогда выписывал журнал «Наука и жизнь», и в одном из номеров в доступной форме объясняли, как можно сделать в домашних условиях бочку. И у меня все-таки получилось вставить дно...

И пошло-поехало! Станкевич принялся мастерить деревянные кормушки для скота, бочки для самогонных аппаратов. Все, о чем просили люди.

– Раньше требования к бочкам были проще, – рассуждает мастер. – Главное, чтобы воду не пропускали. И у каждого бондаря имелись свои секреты, как сделать бочку получше, но с наименьшими усилиями и затратами. В старых изделиях чаще всего только дно может сгнить. Если мне приносят что-то такое в ремонт, немного обрезаю, вставляю новое дно – и служит дальше.

«Молодые хлопцы теперь учатся мастерству в интернете, а там такую ерунду подсовывают».

Более сорока лет Владимир Иванович занимается любимым делом. При этом никогда не бросал основную работу, трудился на стройках. Бочки собирал в свободное время, вечерами и по выходным. А за двенадцать лет до пенсии уговорили его пойти поработать методистом в отдел культуры, чтобы заниматься народным творчеством, учить школьников и участвовать в выставках. В 2012-м Станкевичу присвоили почетное звание народного мастера.

– Уходит наше дело, – грустно произносит Владимир Иванович. – В основном приобретают бочки и прочую бондарную продукцию агроусадьбы. Приезжают даже из Беловежской пущи, хотя там, в Иваново, несколько десятилетий работает школа бондарства.

Раньше мастера были в Молодечно, Барани, Добруше, Гродно, но с каждым годом их все меньше, сетует Станкевич. А тех, кто ездит на выставки, считай, почти не осталось.

– Молодые хлопцы теперь учатся мастерству в интернете, а там такую ерунду подсовывают, – сокрушается глусский бондарь. – Что ни попробуют, не получается.

Знаменитый мастер терпеливо и настойчиво приобщает внука Ярослава к бондарному ремеслу

Есть, конечно, заводики, которые собирают бочки, у них остались станки с советских времен. На конвейере делают по 50 изделий в день, но они все одинаковые. Я же работаю по индивидуальным заказам: сегодня бочка на пятьдесят литров, завтра на десять.

Прежде у Станкевича было довольно много учеников. Поучиться мастерству и набраться опыта приезжали из ближайших деревень, из других уголков Могилевщины. Некоторые ребята подавали согревающие душу мастера надежды, получая призы на конкурсах народного мастерства. Но после армии поженились и... исчезли. А сейчас? Сейчас все хотят быть программистами, с горечью констатирует Владимир Иванович. И рассказывает нам почти анекдотический случай. Своих учеников, будущих программиста и архитектора, попросил разметить заготовку. Те долго что-то считали, наконец достали смартфоны, чтобы вычислить... Правда, иногда молодежь подходит к мастеру на выставках.

– Но даже не спрашивают, как бочку делают, чем она хороша. Вопрос только один: «За сколько ее можно продать?» – вздыхает Владимир Иванович, такой прагматизм ему непонятен. – Пытаюсь внука научить, но для него тоже пока главное – телефон. Так что, умру и никто тол-

ком ничему не научится. Видимо, время сегодня такое – быстрое, а работа бондаря требует спокойствия и возни.

Десятилетний внук Ярослав живет в Минске, а в Глуск приехал на лето погостить.

– Мне нравится все делать своими руками, дед с трех лет меня учит работать с деревом, – рассказывает мальчик. – Я уже собрал бочку с обжигом внутри, мастерил игрушки.

– А что еще интересного мечтаешь сотворить?

Ярослав долго раздумывает. Дед стоит рядом, но молчит, не подсказывает.

– Наверное, люстру в виде колеса, – наконец произносит он.

Ага, все-таки не напрасны усилия Владимира Ивановича. Но бондарством всерьез его внук готов заняться на пенсии, чтобы продолжить дело бабушки. Так и сказал. А еще чтоб смастерить из дерева «что-то для хранения по-стариковски». Видно, по наследству передаются не только секреты древнего ремесла, но и чувство юмора!

Дом народных ремесел в Глуске – это, конечно, очень здорово и интересно, но гложет журналистское любопытство: как же выглядит настоящая, не учебная, мастерская знаменитого бондаря? После многократных уговоров и «нечего там смотреть» едем в святая святых.

Заходим в двор обычного, ничем не примечательного дома – по соседству есть и поновее, и подороже. Почти все пространство здесь занимает тракторный прицеп с сухими до желтизны дровами. У стен сарая приютились поленницы. Где-то такие же желтые чурбаны, как в прицепе, есть и другие – серые, невзрачные.

– Какие для бочек, как думаете? – смеется Владимир Иванович.

Вопрос явно с подвохом, но уверенно указываем на те, что поярче и посвежее: для бочек самое то, на наш взгляд.

– Не-е... Вот эти, – мастер подводит нас к поленнице «дров» с темными распилами. – Серые, как вы говорите, для заготовок, сушатся. Тут липа, ольха и клен. Когда станут тонкими, размещу их в продуваемую теплицу на досушку, а потом разложу по чердакам – в сарае, доме и бане.

«Не спрашивают, как бочку делают, чем она хороша. Вопрос только один: „За сколько ее можно продать?“»

Но где же мастерская? Оказывается, тут целых три, и называет их Владимир Иванович так: мои лаборатории. В первой с несколькими простенькими станками бондарь вытачивает клепки. На стенах плотничьи инструменты, среди которых можно уверенно опознать лишь топоры и пилы, остальные слишком уж специфические: идентифицировать их журналисту – непосильная задача, прямо скажем. Во второй мастерской, самой маленькой, хранятся лекала с пометками, разобраться в которых, может, видимо, только сам Станкевич.

А вот третья столярная «лаборатория» устроена в таком месте, что случайный визитер не обнаружит ее при всем своем желании. Нужно пройти через птичий двор, потом через курятник под бдительными-подозрительными взглядами пернатых, которые вмиг поднимают шум при

В Доме ремесел в Глуске созданы мастерские, где местная ребятня осваивает азы бондарства

Бочки мастер из Глуска делает так искусно, что они кажутся монолитными

виде незнакомца. И только после «квеста» за невзрачной дверью откроется место силы мастера, где он доводит до ума свои, без преувеличения, прекрасные творения. Стол с инструментами, бондарная скамья, десятки металлических и деревянных обручей, ворохи стружек под ногами – словно попадаешь в другой мир.

– Стружкой обычно баню топлю, – улыбается Владимир Иванович, словно извиняясь за «беспорядок» в мастерской. – Сейчас пользуемся летним душем, вот «мусор» и накопился.

Станкевич кладет на бондарную скамью почти готовую бочку на полсотни литров для квашения капусты. С помощью специальной педали, почти как в автомобиле, только деревянной, зажимает ее шпагатом. Бочка выглядит цельной, монолитной – ни единого шва не видно!

– Клепки настолько плотно прилегают друг к дружке, что бочка кажется единым целым. В этом и заключается искусство настоящего бондаря, – говорит Владимир Иванович. – Замазывают швы коммерсанты, которые из досок бочки делают, скрепляют клепки клеем и хотят продать подороже. В этой бочке 18 клепок, и если не видно швов, значит, мастер делал.

Интересно, сколько бочек создал Станкевич?

– Не считал, – скромничает бондарь. – Но почти тысячу точно. Последние годы делаю меньше, немного расслабился, а раньше по три в месяц. Зимой больше.

Летом у меня огороды, парники, рыбалка, свой трактор... Я же работаю не только с деревом, но и с железом. Могу плуг, культиватор смастерить. Сейчас вот копалку заказали.

Встает Станкевич по сельскому обычаю рано, в половине четвертого уже на ногах. Чашка кофе и на речку. После рыбалки идет в мастерскую. Особого графика у него нет, работы хватает и утром, и днем, и после того, «как гряды полили». Вечером, значит.

– Все сфотографировали, записали? Вернетесь в Минск – начнете бондарить! – подзуживает нас Владимир Иванович.

– Для этого золотые руки нужны, мы и за пять лет бочку не склепаем, – отшучиваемся. Но, как говорится, в каждой шутке лишь доля шутки – руки у Станкевича действительно золотые.

Провожая нас, Владимир Иванович подбирает с пола клепку и снова хитро улыбается:

– Можете сказать, что с ней не так?

Рассматриваем: вроде клепка как клепка. Но Станкевич не соглашается:

– Вот малюсенькая полоска – это трещинка. Клепка бы обжалась и простояла бы бочка с ней лет 20, но я же для людей делаю. Гарантия минимум 50 лет!

Алексей НАДЕЖДИН

Минск – Глуск – Минск

Фото Павла ОРЛОВСКОГО